

Каме - правда. - 1991. - 24 мая

Сны о России в кино и наяву

видит известная киноактриса Марина Влади

На вернисаже ленинградского художника Соломона Россина в парижской галерее впервые увидел ее почти никуда не спешащей. Степенная публика, подходившая к Влади и живописцу засвидетельствовать восхищение Мариной и картинами, не так уж мешала нашей беседе. Выставка — под личным патронажем Марины Влади, и Россин, из Ленинграда никуда не стремящийся, может быть счастлив высочайшим покровительством. В полотнах увиделась мне вечная грусть. Уведомил о личных наблюдениях Марину Владимировну и получил:

— Каждый видит, что он хочет. Вам это кажется грустью, а я, наоборот, чувствую теплую нежность.

— Она тронула, и вот вам, художник, билет до Парижа? Познакомились в Ленинграде на телепередаче. Потом видела его картины в Женеве. А теперь — Франция: ваше творчество открывают здесь с интересом.

— А у вас нет ощущения,

что у нас, говорю о Стране Советов, появилось множество творцов, громадьё зрелищ, но вот хлеб исчезает и напрочь? Какое-то грандиозное несоответствие.

— Столько лет люди не могли высказать ни своего мнения, ни взглядов, что сегодня идет, конечно, захлеб. Очень много рассказывают, говорят, выдают. Возможно, даже чересчур. И в литературе, и в кино, и в общении тоже. Как это сказать?..

— Перехлест?

— Вероятно, он есть. Потому что слишком долго им затыкали рот. Потому они орут. Орут.

— И вы различаете в хоре, или в оре, талантливые голоса?

— Я б в жизни не пришла сюда, если б у этого художника не было дара. Россия талантами богата. А сейчас — колоссальное движение. Мчит лавина, будто сорвавшись.

— Но не сметет ли творцов с истинной искрой? Не замурует серым липким снегом?

— Не думаю. Нет, не сметет.

Это нарыв, который должен...

— Лопнуть?

— Взорваться! Выплеснуть всю гадость, которая там застряла. И потом будет чистая кровь.

— У вас завидный оптимизм.

— Что делать. Я обязана быть оптимисткой. Иначе бы не выжила. Все трагедии, которые пережила... Моя природа — везде отыскивать плюсы.

— Ну хорошо, попытайтесь тогда отыскать их в нашем замечательном кинематографе — его-то вы знаете не хуже родного. Мы спадает в Голливуд. Согласны? Только в плохой.

— Не в Голливуд вы спадаете, а именно в эту черноту. Также объяснимо: народ страдает. Какую сферу искусства ни возьмем, все на очень драматическом тоне. Артисты, в том числе плохие, улавливают носящееся в воздухе. Да им до такого самим бы не додуматься. Каждый что-то высасывает из этого мрачного бытия. И как не взяться черноте: страна переживает трагедию.

— И переживет? Выживет? Я не жду рецептов, советов. Но у вас была редкая тяжелая возможность испытать весь наш маразм. Оценить его изнутри и со стороны.

— Естественно, страна выживет. Вы что, смеетесь?

— Я? Не до смеха! Какая политика, экономика... Стихия, и та против. Землетрясение в Армении. На днях в Грузии...

— Ужасно.

— Прямо наказывает Бог.

— Я не верю ни в Бога, ни в дьявола. Я совершенно неверующая. Грузия, Армения — действительно. А Перу, Бангладеш, Южная Америка, и дети умирают везде. Ирак. И СПИД добавился. Что из того? Люди живут! Человечество будет продолжаться. Если не атомная война.

— Верите, что мы из нашей трагедии выкарабкаемся?

— Нет сомнений. А вот скоро ли — не знаю. Не уверена. Этот процесс не может быть ловким пируэтом. И те, кто считал так, совершенно ошибались.

— Но главное, по-моему, все общество, вся планета понимает: нужно поддерживать, чтоб страна не рухнула, чтоб не образовалось вакуума.

— Извините, но мне вспомнилась ваша ленинградская эпопея: пожар в гостинице, прыжок с балкона на длинную пожарную лестницу.

— С приступочки, шириной сантиметров двадцать. И лестница не длинная. Трех метров не хватало. Не занималась бы раньше спортом, и этого интервью со мною у вас бы не получилось.

— Стихийные бедствия, пожары, трагедии личные и национальные, а нас, несмотря ни на что, не забываете. Где-то промелькнуло: возможно, Марина Влади будет сниматься в роли императрицы Екатерины.

— Не «возможно будет сниматься», а именно буду сниматься. В 1991-м. В Ленинграде. У режиссера Татарского. Собирались начать в июле. Но пока отодвинулось: сейчас сним

аюсь у японцев в «Снах о России». Также в Ленинграде и тоже в роли Екатерины.

— Читал, что вы давно мечтали сыграть эту роль.

— Я так не говорила. Скажу: этот образ меня всегда интересовал. Но пятнадцать лет назад Володе и мне сниматься в картине отказали. Он должен был играть Пугачева. Володя — гениальный. У него получились удивительные пробы. Но нам отказали. С тех пор жалела и жалею очень. Ту работу, которую мы могли бы сделать вместе, эта Екатерина не возьмет.

— Кто же будет Пугачевым?

— Нет-нет-нет. Теперь это только фильм о Екатерине.

— А вы, Марина Владимировна, сейчас что-нибудь пишете?

— Не что-нибудь. Я уже три книги издала. Готовлю документы к четвертой. Какой — пока не говорю. Выйдет — прочитаете.

Н. ДОЛГОПОЛОВ.
(Наш соб. корр.).

Париж.